

На правах рукописи

ФАХАРОВА Гульнара Рафкатовна

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики преподавания в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Фаттахова Наиля Нурийхановна

Официальные оппоненты: **Габдреева Наталия Викторовна**
доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой русского и татарского языков
гуманитарного факультета
ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева»

Петрова Ольга Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка как иностранного
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится «2» апреля 2013 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние годы актуализировался интегральный подход к изучению семантики, позволивший описывать лексическую и грамматическую семантику принципиально одним и тем же научным языком, выявлять у них одни и те же смыслы. В этом плане значимо, что художественный текст в связи с общим интересом лингвистики к изучению дискурса рассматривается как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира.

В связи с возросшим интересом к изучению функционально-смысловой стороны языковых единиц внимание многих исследователей привлекают семантические классы русских глаголов. В научной литературе вопрос о выделении глаголов отношения как самостоятельного лексико-семантического класса является спорным. Ученые, которые их выделяют (Р.М. Гайсина, Э.В. Кузнецова, Л.Г. Бабенко, И.Т. Вепрева и другие), определяют их как лексико-семантическое поле, внутри которого разграничиваются менее крупные объединения (подполя, лексико-семантические группы) глаголов взаимоотношения, межличностных, социальных отношений и др. По утверждению Р.М.Гайсиной, «глаголы эмоционального и рационального отношения представляют собой область пересечения нескольких лексико-семантических групп – глаголов поведения, чувства, речи – с семантическим полем глаголов отношения» [Гайсина 1981: 104].

Изучение глаголов на материале художественной литературы представляется важным и необходимым, так как это позволяет, с одной стороны, раскрыть закономерности функционирования языковой системы, а с другой – увидеть особенности авторского стиля, индивидуальное речевое употребление языковых единиц.

Обращение к текстам классика русской литературы – И.А. Бунина – позволяет воссоздать широкую картину взаимоотношений между людьми, выявить особенности в использовании языковых средств.

Таким образом, **актуальность** данного исследования связана с необходимостью более глубокого проникновения в систему приемов известного писателя. Установление особенностей функционирования слова как единицы лексикона и выявление роли слова на пути к пониманию текста позволяет осуществить многоаспектный, многоуровневый анализ глагольных лексем в плане языкового и речевого потенциала в идиостиле И.А.Бунина.

Объектом исследования является глагольная лексика, используемая для передачи межличностных отношений, **предметом** –

функционально-семантические свойства глаголов, выражающих межличностные отношения в произведениях И.А. Бунина.

Цель исследования – описать глагольные лексемы с позиций индивидуально-авторского знания, с последовательным учетом особенностей функционирования глагольного слова как продукта взаимодействия многих процессов и обнаружением глубинных механизмов функционирования слова.

Данная цель обусловила конкретные **задачи** исследования:

- разработать концепцию значения глагольного слова как значимого элемента индивидуально-авторской картины мира;
- определить смысловые точки текста на основе выделения наборов ключевых глагольных лексем;
- выявить соотношение между главными компонентами лексико-семантического поля и смысловыми блоками каждой реализации;
- представить глагольный лексикон как многоярусную систему многократно пересекающихся полей, имеющих множество параметров их исчисления;
- рассмотреть взаимодействие парадигматических и синтагматических отношений глагольных лексем, обеспечивающее включение элементов каждого уровня в линейные связи разной протяженности;
- выявить сходства и различие глагольных лексем по разным аспектам языковых и энциклопедических знаний, эмоционально-оценочных переживаний субъекта и выработанных социумом норм и оценок.

Материалом исследования послужили около 1600 случаев употребления глагольных форм, извлеченных из произведений И.А. Бунина методом сплошной выборки. Основной единицей наблюдения является глагольная словоформа, зафиксированная в высказывании, равном предложению. В качестве основных источников языкового материала избраны рассказы и повести 1890–1933 гг., роман «Жизнь Арсеньева. Юность», цикл рассказов «Темные аллеи».

Методологическими основами исследования явились положения о системности языка, взаимосвязанности и взаимообусловленности языковых явлений в процессе функционирования языковой системы.

Поставленные задачи и специфика объекта исследования обусловила использование в работе следующих **методов**: описательного, включающего наблюдение, интерпретацию языкового материала; контекстуального анализа, раскрывающего изменения в

смысловой структуре глагольных словоформ; приемов количественного анализа.

Научная новизна исследования. Исследования последних лет значительно расширили наши представления о специфике художественного текста за счет изучения особенностей функционирования слова, в частности глагола, в более или менее развернутых контекстах. Однако, хотя имеются серьезные наблюдения и убедительно доказанные теоретические положения, а также образцы концептуального анализа отдельных слов бунинского текста, но пока нет еще последовательного концептуального анализа глагольных лексем. В работе впервые рассмотрена глагольная лексика как средство выражения межличностных отношений в произведениях И.А. Бунина; реконструирована семантическая структура глаголов межличностных отношений; выявлены семантические изменения в смысловой структуре функционирующих глагольных словоформ, отражающие общеязыковые закономерности и индивидуально-авторское употребление.

Теоретическая значимость. Результаты исследования имеют значение для описания системных отношений и функциональных свойств глаголов разных лексико-семантических классов, для дальнейшей разработки положения о типах семантических изменений слова, для изучения языка художественной литературы.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в вузовских курсах лексикологии, стилистики художественного текста, при составлении словарей, отражающих лексико-семантические группы глаголов, и словарей языка писателя.

Апробация работы. Основные положения исследования нашли свое отражение в 7 публикациях научных статей и тезисов докладов. Результаты работы докладывались и обсуждались на Международной научно-практической конференции «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 2011), на Второй Международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» (Великий Новгород, 2011), на Всероссийской научно-практической конференции «Филология и образование: современные концепции и технологии» (Казань, 2011), на Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, 2012), в том числе опубликованы 3 статьи в списке изданий, входящих в перечень ВАК. Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры современного

русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.

Положения, выносимые на защиту:

1. В произведениях И.А. Бунина межличностные отношения выражаются сложившимися в системе русского языка глаголами эмоционально-оценочного отношения, внешнего проявления отношения, контакта.

2. Семантическая структура глаголов межличностных отношений образуется категориально-лексической семой «межличностные отношения» и семантическими признаками, отражающими характер эмоционально-оценочного отношения, характер объекта и субъекта межличностных отношений, интенсивность эмоций, способ внешнего проявления отношения, характер и способ контакта.

3. Глаголы в текстах И.А. Бунина часто выступают не в своем основном лексическом значении, а получают разнообразные «приращения смысла», которые возникают в результате актуализации некоторых потенциальных сем, в частности, категориально-лексической семы «межличностные отношения».

4. Особенности функционирования глагольных форм определяются авторским стилем, содержанием произведений, социальным статусом героев. Глаголы межличностных отношений употребляются в формулах речевого этикета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования, объект, предмет, материал и методы его анализа, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации *«Глагол как концептуализирующая часть речи»* дается общая характеристика лингвистических параметров глагола, характеризуются основные классификации глагольной лексики. Обобщенное значение процесса, как и все многообразие конкретных, частных глагольных значений, выражающих разные виды действия, оформляются в языке в грамматических категориях вида, времени, залога, наклонения, лица, числа. Каждая из этих категорий обладает свойственным ей основным грамматическим значением, объединяющим много частных, более

узких значений, и выражает сложные отношения, различным образом характеризующие действие. Каждой из этих грамматических категорий присущи определенные грамматические формы, в которых передаются грамматические значения.

В данной главе рассмотрены также основные категории художественного текста с позиции разных исследователей. Свойства и категории текста изучаются сравнительно недавно. Одни и те же явления нередко обозначаются разными терминами (например, целостность – интеграция – интегративность). И.Р. Гальперин связывал признаки текста с грамматическими текстовыми категориями, к ним он относил интеграцию, когезию, автосемантию, модальность, проспекцию, ретроспекцию, континуум [Гальперин 1981]. М.Н. Кожина, оценивая текст прежде всего с позиций стилистики, к числу текстовых категорий отнесла акцентность (привлечение внимания), оценку, логичность, гипотетичность, авторизацию [Кожина 1987]. И.Г. Торсуева в числе других категорий назвала сцепление, партитурность [Торсуева 1986].

По мнению Л.Г. Бабенко, «основу универсальных категорий текста составляют целостность (план содержания) и связность (план выражения), вступающие друг с другом в отношения дополнительности, диархии» [Бабенко 2004: 40].

Художественный текст есть всегда адресованное сообщение: это форма коммуникации «автор – читатель». Текст функционирует с учетом «эстетического общения», в процессе которого адресат (читатель) должен воспринять интенции автора и проявить творческую активность. Тот или иной художественный текст, к которому обращается читатель, вызывает у него определенные «ожидания», которые обычно обусловлены заложенными в сознании адресата представлениями о проблематике, композиции и типовых характеристиках текста, продиктованных прежде всего его жанром. Дальнейшее же «истолкование», как правило, уже связано с вниманием к разворачиванию образов, к повторам, последовательности и особенностям сочетаемости языковых средств разных уровней [Николина 2003: 11-21].

В одном из параграфов главы дается краткий обзор исследований по творчеству И.А. Бунина.

Глубоко личное начало определяет как идейную направленность бунинской прозы, так и ее художественную форму, в частности то, что академик В.В. Виноградов назвал подбором и сменой слов и фраз, выражающих «экспрессивное движение стиля, переходы и сочетания экспрессивно-стилевых красок, характер оценок» и

создающих «представление об идейной сущности, о вкусах и характере творческой личности художника» [Виноградов 1971].

В идиостиле И.А. Бунина исследуются фразеологические (Г.Н. Абреимова, А.П. Аверьянова), морфологические языковые средства (В.С. Сидорец), семантика синтаксических структур (Т.С. Мони́на), образные средства (Н.А. Николина, М.Н. Новикова), языковые средства и способы выражения эмоций в лирике (И.А. Морозов), тип авторства (И.П. Карпов, Н.М. Кучеровский), композиционные уровни текста и повествовательная манера (О.В. Сливицкая).

«Внимание к языку И. Бунина закономерно: редкая способность остро и точно воспринимать окружающий мир сочетается у него с таким же редким даром словесного воплощения этой восприимчивости. Во многом И. Бунин – поворотная, угловая фигура в истории русской художественной речи и в истории русской литературы. Традиционалист и модернист одновременно, он является связующим звеном между XIX и XX-XXI вв. в русской литературе. В традиции, восходящей к Пушкину, И. Бунин – своеобразный мостик между золотым веком русской литературы и последующим развитием ее. И. Бунин не отделяет свой поэтический язык от общего русского литературного языка («пишу русским языком»), намеренно чужается резких языковых новаций, характерных для многих его современников, его новаторство, можно сказать, скрытное, незаметное для читателя – в соединениях слов, в индивидуальной образности, в сцеплении пространственных предложений посредством причастий, деепричастий и других обособленных оборотов, посредством разнообразных придаточных частей, в нечто неразрывное, соответствующее неразрывности мыслей, «идущих в два потока», и комплексности, одновременности восприятия свойств окружающего мира (и цвет, и форма предметов, и запах, и звук, и тактильные ощущения, и передвижения в пространстве и проч.) [Краснянский 2008: 3].

В параграфе **1.4. Лексико-семантическая классификация глаголов** характеризуются разные классификации глагольной лексики.

Л.М. Васильев в книге «Семантика русского глагола» выделил три принципа семантической классификации глагольной лексики:

1) денотативный (тематический); 2) парадигматический; 3) синтагматический [Васильев 1981: 39]. Лексические компоненты в глагольных значениях тесно переплетены и постоянно взаимодействуют с грамматическими и лексико-грамматическими компонентами. Так, например, для глаголов движения, кроме оппозиций по основным грамматическим значениям категорий вида, залога, наклонения, лица и времени, характерны оппозиции по семам определенной / неопределенной направленности (идти – ходить, лететь

– летать) и однонаправленности / разнонаправленности движения (идти в город – ходить в город), для глаголов деятельности – оппозиции по семам безъобъектности / объектности (работать – делать, учительствовать – учить) и по семам нерезультативности / результативности (делать – создавать, искать – находить, читать – прочитывать), для глаголов состояния – оппозиции по семам бытийности / становления (бодриться – взбадриваться, любить – влюбляться). Видовые формы глагола часто различаются не только по способам действия, но и по своим лексическим значениям, поэтому при анализе глагольной лексики необходимо учитывать формы совершенного и несовершенного вида.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» глаголы разделяются на динамические и статические. Динамические обозначают действия в прямом смысле слова («рублю», «пишу», «бегу») или же события и процессы, связанные с теми или иными изменениями («чашка разбилась», «дерево растет», «снег тает»). Статические обозначают состояния, зависящие от воли субъекта («стою»), либо не зависящие от нее («болею», «мерзну»), отношения («соответствует», «превосходит»), проявления качеств и свойств («трава зеленеет» в значении «видится зеленой»).

Классификация предикатов Т.В. Булыгиной основана на противопоставлении признаков временности / временной неограниченности. Т.В. Булыгина употребляет данные термины наравне с терминами временная локализованность / нелокализованность, эпизодичность / вневременность, считая их взаимозаменяемыми. На основании факта противопоставления указанных признаков Т.В. Булыгиной среди предикатов было выделено два класса: класс предикатов, обозначающих качества или свойства, и класс предикатов, обозначающих явления [Булыгина, Шмелев, 1997].

В толковом словаре русских глаголов (под ред. проф. Л.Г. Бабенко) и учебном словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» (под общ. ред. Т.В. Матвеевой) использован принцип иерархии. Вершину ее составляет выделение трех семантических полей: действия, состояния, отношения. В рамках поля выделены подполя, в них – отдельные лексико-семантические группы. Наиболее объемные лексико-семантические группы делятся на подгруппы.

В реферируемой работе глагол характеризуется как особая, наиболее важная категория в системе частей речи, так как может выражать действие не отвлеченно, а в известное время и с показанием всех отношений, которые репрезентируются сказуемым. Характерное свойство глагола заключается в том, что он определяет момент речи и

движения, перемещения и изменения положения, развивающихся в пространстве и времени.

По утверждению Н.Ю. Шведовой, «глагол составляет класс слов, именующих процесс как активное действие или деятельность, деятельностное или недейтельностное процессуальное состояние. Важнейшей характеристикой глагола является то, что в нем уже как в слове грамматически, формально заложена способность отнесения именуемого ко времени; это коренным образом отличает глагол от всех других классов именующих слов, в том числе и от глагольного имени, называющего процесс как абстрактную категорию, т.е. представляющего его предметно. Строение глагола как части речи характеризуется большой сложностью: соответствующее «дерево» предстает как разветвление, по многим ступеням нисходящее от вершины к ветвям, представляющим лексико-семантические классы, подклассы и входящие в них множества и подмножества» [Шведова 2005: 392-393].

Во второй главе **«Функционально-семантические особенности глаголов эмоционально-оценочного отношения в языке произведений И.А. Бунина»** рассматривается употребление глаголов эмоционально-оценочного отношения в произведениях И.А. Бунина, выявляются особенности реализации семантических признаков в смысловой структуре глагольных словоформ в контексте.

Семантическая структура глаголов межличностных отношений реконструируется как единство семантических признаков, реализующих общую категориально-лексическую сему «межличностные отношения». Это интегральные семы «характер субъекта», «характер объекта», «характер межличностных отношений», «характер эмоционально-оценочного отношения», «интенсивность эмоций», «способ внешнего проявления отношения», «способ контакта», «характер контакта», которые уточняются соответствующими дифференциальными признаками.

Покажем специфику функционирования глагольных форм на материале глаголов, обозначающих эмоционально-оценочное отношение. Результаты предпринятого далее компонентного анализа ряда лексем показали, что глагол высвечивает некий фрагмент, осознаваемый как ситуация, в поверхностном ярусе которого хранятся значения, отражаемые в словарях. В то время как актуализация отдельного, наиболее значимого признака неизбежно приводит к восстановлению широкого круга связей разных степеней опосредованности, отраженных на глубинном ярусе. Отсюда вытекает представление о соотношении общесистемного значения глагола с индивидуальной картиной мира автора. Для глаголов эмоционально-

оценочного отношения характерно концентрическое строение поля, интегрирующего в разной степени обусловленности значения всех входящих с ним в связь слов.

Состав анализируемой лексико-семантической группы формируется за счет лексем, образующих два парадигматических ряда:

1) глаголы, выражающие положительное отношение: *влюбляться, доверять, жалеть, любить, нравиться, обожать, принимать, уважать* и др.;

2) глаголы, выражающие отрицательное отношение: *завидовать, невзлюбить, ненавидеть, прекать, презирать* и др.

Семантическая структура рассматриваемых глаголов, по мнению Р.М. Гайсиной, включает в себя несколько основных семантических компонентов: по семе направленности отношений двунаправленные, когда «характер отношения одного участника к другому совпадает с характером отношения этого другого к первому» (дружить, общаться, роднить и т.д.) [Гайсина 1981: 65], и однонаправленные, когда «характер отношения одного участника ситуации к другому не совпадает с характером отношения этого другого к первому» (принадлежать, уважать и т.д.) [Гайсина 1981: 65]. У Бунина преобладают однонаправленные глаголы.

По семе количества участников межличностных отношений глаголы делятся на глаголы с охарактеризованными участниками ситуации; эти глаголы дают однозначную качественную характеристику обоим участникам (дружить, общаться) и глаголы отношения с одним охарактеризованным участником (другому участнику такие глаголы не дают однозначной характеристики – им может быть любая реалья (нравиться, любить) [Гайсина 1981: 65-66].

Как правило, глаголы эмоционально-оценочного отношения у Бунина – это глаголы с одним охарактеризованным участником ситуации. Наиболее распространенным в этой группе является глагол *любить*. Например, глагол *любить* в контексте: *Я под всякими предложениями внушал ей одно: живи только для меня и мной, не лишай меня моей свободы, своеволия, – я тебя люблю и за это буду еще больше любить* (Жизнь Арсеньева; 468) – выражает значение «относиться к кому-либо (обычно лицу противоположного пола) с глубокой симпатией, испытывая чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения, склонности». В смысловой структуре глагола актуализируется признак, характеризующий пол субъекта и объекта отношения. Рассматриваемый глагол может выражать отношение мужчины к женщине (жене или возлюбленной). Субъект и объект отношения выражены личными местоимениями. В контексте указана причина положительного отношения к объекту – *за*

это, а конкретизатор *еще больше* указывает на степень интенсивности отношения.

Глагол *обожать* у Бунина выступает в значении «относиться к кому-либо с чувством сильной любви, преклоняться перед кем-либо»: *Сына обожал – пока рос, каких только надежд на него не возлагал! А вышел негодяй, мот, наглец, без сердца, без чести, без совести...* (Темные аллеи; 364); *Я тебя обожая, обожая, негодяй!* (Генрих; 478). Обращает на себя внимание факт употребления Буниным оксюморонного сочетания «*обожая, негодяй!*», причем в обоих случаях автор использует существительное *негодяй* («подлый, низкий человек») в сочетании с глаголом *обожать* («преклоняться перед кем-либо»), подчеркивая абсолютную поглощенность героев своими чувствами и неконтролируемость чувств рассудком.

Интересен случай употребления автором глагола *обоготворить*, выступающий в значении «отнести к кому-либо с почитанием, беззаветно любить кого-либо, преклоняясь перед ним, подобно тому, как преклоняются перед божеством»: *Этот чудак обоготворил ее, всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней* (Грамматика любви; 349). Необходимо отметить, что женщина в метафорической картине мира Бунина занимает особое место. «Женщины вообще играют в «Темных аллеях» главную роль. Мужчины, как правило, – лишь фон, оттеняющий характер и поступки героинь; мужских характеров нет, есть лишь их чувства и переживания, переданные необычайно остро и убедительно» [Саакянц 1983: 5]. В приведенном контексте любимая женщина для героя подобна божеству.

В целом можно констатировать тот факт, что возлюбленная для героев Бунина – реальная женщина, о чем свидетельствует частотность употребления глаголов *любить/полюбить* и *влюбляться / влюбиться* в сочетании с именами существительными собственными и одушевленными, а также с личными местоимениями.

В данной группе глаголов выстраивается синонимический ряд: *нравится / понравиться – влюбляться / влюбиться – любить / полюбить – обожать – обоготворить*. Как правило, анализируемые глаголы различаются по степени интенсивности признака: *нравится / понравиться* – начальный этап отношений, установление симпатии; *влюбляться / влюбиться* – отношения на этапе развития, возникновения сердечной привязанности; *любить / полюбить* – этап установления глубокой симпатии; *обожать* – этап сильной любви; *обоготворить* – этап беззаветной любви, преклонения перед объектом своей любви.

На следующем рисунке представлены по степени частотности глаголы положительного эмоционально-оценочного отношения в

произведениях автора. Наиболее распространенным в этой группе является глагол *любить/полюбить* (215), меньшим количеством примеров представлены глаголы *влюбляться/влюбиться* (55), *нравиться/понравиться* (23), *обожать* (3), *обогаговорить* (1).

В группе глаголов, выражающих отрицательное эмоционально-оценочное отношение, наиболее распространенным является глагол *ненавидеть* (в 15 контекстах), который выступает в значении «относиться к кому-либо с неприязнью, испытывая чувство злобы, вражды, не выносить кого-либо»: *Зойка сделалась еще как будто веселее, беспечнее, но не сводила глаз ни с нее, ни с Левицкого, часто с криком кидалась целовать ее, но так ненавидела, что, когда та заболела тифом, каждый день ждала радостной вести из больницы о ее смерти* (Зойка и Валерия; 430). Субъект здесь выражен именем собственным, а объект – личным местоимением. В смысловой структуре глагола интегральная сема «характер эмоционально-оценочного отношения» уточняется признаком «отрицательное отношение», на степень интенсивности эмоций указывает местоименное наречие *так*.

Чувства, выражаемые глаголами *любить* и *ненавидеть*, амбивалентны и одновременно сопутствуют друг другу. Подтверждение этой мысли находим и у Бунина: *На другой день она вызвала его после обеда в сад и спросила: – Ты меня любишь? Он горячо ответил, помня вчерашние поцелуи в лодке: – С первого дня нашей встречи! – И я, – сказала она. – Нет, сначала ненавидела – мне казалось, что ты совсем не замечаешь меня* (Руся; 400). Вызванная стимулом *любить* реакция *ненавидеть* может рассматриваться либо как антонимическая, либо как эксплицирующая амбивалентность концепта любви, поскольку любовь «включает в себя момент ненависти к своему партнеру» [Воркачев 1995: 57].

С помощью глаголов межличностных отношений в произведениях Бунина создается особый мир любви. В частности, в романе «Жизнь Арсеньева» представлены различные грани этого чувства. Например, первая юношеская любовь главного героя романа Алексея Арсеньева по отношению к крестьянской девушке Саше передается описательно и эксплицируется через сему «самое непонятное из всех человеческих чувств»: *Но нет-нет вспоминалась Сашка, к которой я однажды, когда она пришла в усадьбу и, стоя с опущенной головой у крыльца, что-то робко говорила матери, вдруг испытал что-то особенно сладостное и томящее: первый проблеск самого непонятного из всех человеческих чувств...* (Жизнь

Арсеньева; 265). В данном предложении автор использует описательный оборот *испытал что-то особенно сладостное и томящее*, в контексте приобретающий значение эмоционально-оценочного отношения.

Герой взрослеет, и приходит новое чувство: *И вот, тотчас же после этого разговора, случилось со мной нечто совершенно необыкновенное: впервые в жизни я вдруг почувствовал не только влюбленность к той Нале, которую я вообразил себе со слов Лопухина, – влюбленность, уже совсем не похожую на то мимолетное, легкое, таинственное и прекрасное, что коснулось меня когда-то при взгляде на Сашку, а потом при встрече молодого Ростовцева с барышней на гулянье в царский день, – но уже и нечто мужское, телесное* (Жизнь Арсеньева; 303). В приведенном примере использовано сочетание *почувствовал не только влюбленность*, синонимичное глаголу *влюбиться*. Если ранее Алексей испытывал только платонические чувства, то здесь очевидно преобладание физического чувства. Таким образом, происходит разделение платонических чувств (душа) и физических чувств (тело).

Чаще всего автором употребляются глаголы, обозначающие отношения, основанные на интенсивных положительных эмоциях: *любить/полюбить, влюбляться/влюбиться, обожать*, реже – глаголы, обозначающие отношения, основанные на интенсивных отрицательных эмоциях: *ненавидеть* (15), *возненавидеть* (5), *презирать* (1).

Центральными элементами подполя у Бунина являются глаголы положительного эмоционально-оценочного отношения, периферийными – авторские употребления глаголов при выражении межличностных отношений, словообразовательные окказионализмы и случаи изменения сочетаемостных возможностей глагольных слов.

Индивидуально-авторское видение мира выражается в художественном тексте через систему синтагматических отношений, позволяющих говорить о специфике авторской манеры письма. Например: *Господин <...> смотрел и с страшным замиранием сердца понимал только одно: то, что, оказывается, он уже много лет зверски любит эту самую Иду* (Ида; 233) – в данном контексте глаголу *любить* «относиться к лицу противоположного пола с глубокой симпатией, испытывая чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения, склонности» предшествует наречие *зверски* (в прямом значении «жестоко, свирепо»). Для данного наречия характерна сочетаемость с антонимичным глаголу *любить* глаголом *ненавидеть*, у Бунина же мы наблюдаем нарушение традиционной сочетаемости, в контексте наречие *зверски* употреблено

в значении «очень сильно». В приведенном контексте автор подчеркивает физическое начало в любви мужчины к женщине.

Подобную сочетаемость мы наблюдаем и у глагола *влюбиться*: <...> *только что произведен я был в чин гвардейского корнета, уволен зимой в том для меня достопамятном году в двухнедельный отпуск в свою рязанскую вотчину, где, по кончине родителя, одиноко жила моя матушка, и, приехав, вскорости жестоко влюбился* <...> («Дубки»; 532). В приведенном примере глаголу *влюбиться* («относиться к кому-либо с чувством самоотверженной и сердечной привязанности») предшествует наречие *жестоко*, которое имеет значение «крайне сурово, безжалостно, беспощадно». У Бунина данное наречие приобретает иной смысл, в сочетании с глаголом эмоционально-оценочного отношения оно употребляется в значении «очень сильно».

В предложении: *Ужасно понравился мне еще статистик Вагин, – статистик, как я узнал потом, такой заядлый, что для него, казалось, во всем мире не существовало ничего, кроме статистики* <...> (Жизнь Арсеньева; 77) – глагол *понравиться* («отнестись к кому-либо с симпатией») употреблен в сочетании с наречием *ужасно* («крайний в своем проявлении, чрезвычайный»), которое в данном контексте имеет значение «очень сильно».

В другом случае с помощью конкретизатора при глаголе наречия *спокойно* («находящийся в состоянии покоя, малоподвижный или неподвижный») создается образ героини – расчетливой и жестокой красавицы: *И вот вторая красавица спокойно возненавидела его семилетнего мальчика от первой, сделала вид, что совершенно не замечает его* (Красавица; 405).

В ходе исследования были отмечены глагольные сочетания, близкие по смыслу глаголу эмоционально-оценочного отношения *дружить*. Согласно словарю С.И. Ожегова, «дружить – находиться с кем-нибудь в близких отношениях, основанных на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» [Ожегов 1999: 181]; данный глагол характеризуется положительной эмоциональной окраской. Примечателен тот факт, что глагол *дружить* (*подружиться*) у Бунина встречается крайне редко, в контексте его семантика меняется. Например, словообразовательный окказионализм: *И вот в этой-то избе под дубами и сиживал я чуть не каждый день, болтая всякий будто бы хозяйственный вздор жившему в ней нашему старосте Лавру, даже низко ища его дружества и тайком бросая горестные взоры на его молчаливую жену Анфису* <...> (Дубки; 532). Используя подобное сочетание, автор отмечает в поведении героя определенные неблагоприятные намерения по отношению к жене старосты. Или в

предложении: <...> и незаметно я стал довольно частым гостем в этой усадьбе, **вступил с Асей в какое-то подобие дружбы**, в которой она и помыкала мной, как мальчишкой, и проявляла в то же время явное удовольствие от общества этого мальчишки (Жизнь Арсеньева; 346) – здесь речь идет уже не о доверительных дружеских отношениях, а об определенных манипуляциях, что подчеркивается существительным *подобие*.

В текстах Бунина отмечены случаи авторской интерпретации отношений в окказиональных сочетаниях: ***Я влюблен был в Лизу на поэтический старинный лад и как в существо, вполне принадлежавшее нашей среде*** (Жизнь Арсеньева; 344) – с одной стороны, возлюбленная для героя – идеал, неземное существо, с другой – это реальная девушка. В предложении: <...> ***не очень-то он папеньку своей любовью жалует***, и, насколько понимаю, выйдет из него ***моя первой степени*** (Ворон; 556) – употребление сочетания *любовью жаловать* (*награждать*) вместо *любить* придает высказыванию особый смысл: автор подчеркивает отсутствие теплых, сердечных отношений между отцом и сыном.

В структуре глаголов межличностных отношений можно выделить основные семы («качество отношения», «направленность отношения», «качество», «функция» участников ситуации и дополнительные семы, указывающие на вероятные, возможные элементы ситуации. При учете дополнительных сем среди глаголов межличностных отношений можно выделить мотивационные глаголы. Данная группа представлена лексемами *уважать*, *читать*, *презирать*. Например: Чехова ***презирают*** за политическое безразличие (Жизнь Арсеньева; 379). В данном контексте глагол *презирать* выступает в значении «относиться к кому-нибудь с сильным пренебрежением, неприязнью, подчеркнутым безразличием», здесь же указана причина отрицательного отношения к объекту – ***за «политическое безразличие»***. субъект отношения при этом не назван.

Семы, относящиеся к числу основных, определяют обязательную валентность глаголов, а дополнительные семы определяют факультативную валентность глаголов. По количеству дополнительных сем глаголы межличностных отношений делятся на двухместные, трехместные и четырехместные. Например, глагол *дружить* – двухместный, т.к. содержит две эксплицируемые семы «субъект». Необходимо отметить, что подобные глаголы встречаются в произведениях И.А. Бунина крайне редко.

Глаголы в художественном тексте часто выступают не в своем основном лексическом значении, а получают разнообразные

«приращения смысла», которые возникают в результате актуализации некоторых потенциальных сем.

В анализируемом материале выразителями межличностных отношений являются глаголы, в смысловой структуре которых в основном лексическом значении реализуются категориально-лексические семы «интеллектуальная деятельность», «перемещение», «речевая деятельность», «физиологическое действие», «физическое воздействие на объект», «звучание», «созидательная деятельность», «эмоциональное состояние», «качественное состояние», «бытие», «функциональное состояние», «владение», «социальные отношения».

Например, глагол *увлечься* в контексте: *Лица, милая, но что же дальше? Ты знаешь мое отношение к нему, он, конечно, очень мил, я понимаю, что ты увлеклась... Но дальше-то что?* (Жизнь Арсеньева; 422) – употреблен в значении «почувствовать сердечное влечение, влюбиться» и выражает категориально-лексическую сему «межличностные отношения». В смысловой структуре глагола утрачивает актуальность признак воздействия на объект, появляются признаки «конкретность», «одушевленность», характеризующие объект отношения, «эмоционально-оценочное отношение».

В третьей главе **Функционально-семантические особенности глаголов внешнего проявления отношения и глаголов контакта в языке произведений И.А. Бунина** анализируются случаи употребления Буниным глаголов внешнего проявления отношения и контакта.

Глаголы внешнего проявления отношения представлены лексемами, выражающими внешнее проявление положительного отношения: *целовать* (92), *поцеловать* (87), *обнимать* (12), *обнять* (38), *кланяться* (14), *поклониться* (27) и др. и лексемами, выражающими внешнее проявление отрицательного отношения: *ухмыляться* (2), *усмехнуться* (14), *издеваться* (9) и др.

В этой группе преобладают глаголы со значением внешнего проявления положительного отношения. Это глаголы *целовать* / *поцеловать*, *обнять*. Глагол *целовать* / *поцеловать* имеет значение «прикасаться губами к кому-нибудь в знак любви, дружбы, преданности или благоговения»: *Помню, как наконец она взобралась в сенцы одного из них и мы говорили, прощались и целовали друг другу руки, как я обещал ей приехать через две недели в Серпухов...* (В одной знакомой улице; 517).

Группа глаголов внешнего проявления отрицательного отношения представлена лексемами *издеваться*, *погрозить*. Глагол *издеваться* употреблен у Бунина в значении «проявлять злое, грубое отношение к кому-либо, подвергая всевозможным унижениям, оскорбительным насмешкам». Как правило, данному глаголу

сопутствует какой-либо конкретизатор, например, усилительная частица *все* в большей степени акцентирует отрицательное отношение: *Весной восемнадцатого года, когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговли на Смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?»* (Холодная осень; 547).

В группе глаголов контакта выделяются глаголы поддержания контакта, согласованных действий *договариваться, условиться*; глаголы установления контакта *представиться, познакомиться*; глаголы прерывания контакта *поругаться, поссориться*.

На рисунке: глаголы эмоционально-оценочного отношения составляют в процентном отношении 53% (857 примеров), глаголы внешнего проявления отношения – 36 % (563 примера), глаголы контакта – 11 % (180 примеров).

В данной главе представлены и отдельные случаи употребления автором глагольно-именных сочетаний, включающих в свой состав глагол другой лексико-семантической группы.

Например, глагол *завести* в прямом значении «ведя, поместить куда-нибудь, ввести» выражает категориально-лексическую сему «перемещение». В контексте: *И Иван Иванович, постепенно и все больше входя в искушение, все это по-своему и проделал, то есть исполнил в меру своих сил и возможностей почти все, что исполняли и прочие: и знакомство завел, и обезьянничать стал, – право, не больше других!* (Далекое; 83) – существительное *знакомство* уточняет действие, названное глаголом, и указывает на характер взаимоотношений: установление контакта. Словосочетание *знакомство завел* синонимично глаголу *познакомился*.

В данной главе анализируются особенности употребления Буниным личных форм глагола, причастий и деепричастий с семантикой отношения в пределах одного рассказа – «Натали».

В рассказе представлены две разновидности любви: любовь-обожание и любовь-страсть. Если речь идет о любви-страсти (любовь главного героя к Соне), автор использует соответствующие конкретизаторы при глаголе *целовать*. Например: *Уехать от Сони, да еще с обманом, с этой тайной мечтой о Натали, с надеждой на ее любовь и руку, будет, конечно, очень больно, – разве только с одной страстью целую я Соню, разве я не люблю и ее?* (502); <...> *я долго и жадно целовал и прижимал ее к притолоке, а она сумрачно закрывала глаза, все ниже опуская капаящую свечу* (492). Если речь идет о любви-обожании (любовь главного героя к Натали), все высказывание с

глаголом *целовать* окрашено в иные тона: *В том-то и была высшая радость, что я даже помыслить не смел о возможности целовать ее с теми же чувствами, с какими целовал вчера Соню!* (496); *Я взял ее руки, поцеловал, весь замирая, правую* (505).

Причастия в анализируемом произведении могут выступать в качественно-описательной функции. Данная функция связана с определенными семантико-стилистическими и синтаксическими условиями. У Бунина это, прежде всего, портретные характеристики героев: *Соня, облокотясь рядом с ней и обняв ее за плечо, была в своем батистовом пеньюаре с оборками похожа на только что вышедшую замуж молодую женщину* <...> (496).

С целью подчеркнуть особо важные признаки изображенной ситуации – две разных любви главного героя – Бунин использует семантический повтор: *«отчего нельзя любить двух? <...> За что так наказал меня Бог, за что дал сразу две любви, такие разные и такие страстные, такую мучительную красоту обожания Натали и такое телесное упоение Соней. <...>»*.

В рассказе «Натали» И.А. Бунин широко использует глагольные формы, особую роль здесь играют глаголы межличностных отношений. Используя соответствующие конкретизаторы при глаголах межличностных отношений, автор показывает нам две разновидности любви: любовь-обожание и любовь-страсть.

В ходе исследования были сопоставлены ранние произведения И.А. Бунина (рассказы и повести 1890-1920 гг.) и произведения более позднего периода (рассказы, повести 1921-1944 гг., роман «Жизнь Арсеньева», цикл рассказов «Темные аллеи») по степени частотности использования в них глагола *любить/полюбить*. Данный глагол избран неслучайно, т.к. из всей группы глаголов межличностных отношений является наиболее употребительным. Установлено, что в ранних произведениях глагол *любить/полюбить* использован в 60 контекстах (27% от общего числа примеров), а в произведениях 1921-1944 гг. данный глагол используется в 155 контекстах (соответственно 73%). Данные исследования представлены следующей диаграммой:

Это наводит на мысль, что чувства, выражаемые с помощью глагола *любить/полюбить*, с возрастом ценятся И.А. Буниным больше, у героев происходит осознание непреходящей ценности любви. Таким образом, данный глагол является одной из смысловых точек текста.

В *заключении* излагаются основные результаты исследования.

Реконструкция сложившейся в языке семантической структуры глаголов межличностных отношений и сопоставление этой структуры со смысловой структурой глагольных словоформ, функционирующих в контексте, дали возможность выявить закономерности реализации категориально-лексической семы «межличностные отношения».

В произведениях И.А. Бунина наиболее употребительными являются глаголы межличностных отношений, обозначающие эмоционально-оценочное отношение и его внешнее проявление. При этом эмоционально-оценочное отношение чаще имеет положительный характер.

Установлено, что в смысловой структуре глагольных форм происходит семантическая деривация.

Для выражения межличностных отношений используются и глаголы других лексико-семантических групп – перемещения, интеллектуальной, речевой, созидательной деятельности, владения и др. Подобные лексемы представлены в текстах И.А. Бунина довольно широко. Это свидетельствует о том, что семантическая деривация является активным источником пополнения глаголов межличностных отношений в языке.

В работе были выделены центральные и периферийные элементы подполя глаголов межличностных отношений, отмечены авторские употребления глаголов при выражении межличностных отношений, словообразовательные окказионализмы и случаи изменения сочетаемостных возможностей глагольных слов.

В ходе исследования были сопоставлены ранние произведения И.А. Бунина и произведения более позднего периода по степени частотности использования в них глагола *любить/полюбить*. На основе выделения набора ключевых глагольных лексем установлено, что данный глагол является одной из смысловых точек текста.

Функционирование глаголов в произведениях И.А. Бунина отражает как общезыковые закономерности, так и особенности, обусловленные своеобразием авторского стиля, содержанием произведений.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением глагольной лексики, ее функций в текстах разных стилей и жанров.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Фахарова Г.Р. Функции глаголов межличностных отношений в языке произведений И.А. Бунина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 2 (14), 2011. – С. 111-116.

2. Фахарова Г.Р. Функционирование глаголов движения прошедшего времени совершенного вида в языке произведений И.А. Бунина (цикл рассказов «Темные аллеи») // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – № 1 (23), 2011. – С. 199-203.

3. Фахарова Г.Р. Функционирование глагольных форм в рассказе И.А. Бунина «Муза» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – № 4 (2), 2011. – С. 9-13.

Статьи в сборниках материалов научных конференций

4. Фахарова Г.Р. Семантико-функциональная характеристика видовых форм глаголов прошедшего времени в языке произведений И.А. Бунина // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (14-15 февраля 2011 года). Часть 3. / Под ред. Н.Н.Фаттаховой. – Казань: ТГГПУ, 2011. – С. 83-88.

5. Фахарова Г.Р. Функционирование причастий в языке произведений И.А. Бунина // Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй Международной науч.-практ. конф. Великий Новгород, 19-20 мая 2011 г.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. О.А. Александрова, Е.Ф. Жукова; НовГУ им. Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2011. – С. 186-190.

6. Фахарова Г.Р. Функционирование деепричастий в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» // Стратегии исследования языковых единиц: Сборник статей. – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. – С. 204-207.

7. Фахарова Г.Р. Функционирование глагольных форм в рассказе И.А. Бунина «Натали» // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 27-30 июня 2012 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; Каф. совр. рус. яз. и метод. преп.; Под общей редакцией Н.Н. Фаттаховой. – Казань: Отечество, 2012. – С. 183-186.

